

Сянсян, забавно причмокивая, уминала мороженое и увлечённо, пусть и путаясь в словах, болтала о домашних делах. Гоудань не особо интересовался тем, что творится в старой усадьбе Ли, но краем уха всё же прислушивался.

Цзиньбао и Иньбао в этом году тоже оканчивали начальную школу. Они были старше Гоуданя почти на полтора года — белые, упитанные увальни. Отродясь он не видал деревенских ребятишек с такой лоснящейся кожей, да к тому же они пошли в породу Ли, вымахав под самый потолок.

Сдавать экзамены для перевода в следующий класс этим двоим давалось со скрипом. Учителя, видать, сообразили: маринуй их в четвёртом классе хоть до седых волос, толку не будет. Некоторым учёба просто не даётся — они и в текстовых задачах путались, и деление в столбик осилить не могли. Да и держать таких лбов за партами начальной школы выглядело глупо: шутка ли, к выпуску парням стукнуло по семнадцать лет! В конце концов руководство сдалось и перевело оболтусов в пятый класс, как раз к Иньтоу. Так в июне они все вместе и выпустились.

Но о средней школе нечего было и мечтать. В те годы обязательное девятилетнее образование ещё не ввели — до этого оставалось несколько лет. Чтобы поступить в среднюю школу, близнецам нужно было сдать выпускные экзамены с высокими баллами, ведь отбор шёл жёсткий, а мест не хватало. На весь уезд работала всего одна школа, совмещённая со старшими классами.

Иньтоу так и покатывался со смеху, вспоминая:

— Их бабка ведь к учителям бегала! Устроила там форменный цирк: дескать, злые люди не дают её ненаглядным внучатам учиться, вынь да положь ей место в классе! — Он ухмыльнулся. — Распределением-то Уездная средняя школа заправляет, наш директор тут вообще никто и звать его никак. А она знай себе голосит, мол, мальчики у неё золото, послушные да смышлёные, это всё учителя против них сговорились! В конце концов директору этот балаган поперёк горла встал. Пригрозил взашей вытолкать и аттестаты не выдать — только тогда старая карга и притихла.

Цзиньбао и Иньбао дома без зазрения совести вешали лапшу бабке на уши ради карманных денег: заливали, будто учатся на одни пятерки, а учителя в них души не чают. Старая госпожа Ли млела от восторга, хвастаясь направо и налево, что в её роду наконец-то родились великие учёные умы, и потакала обожаемым внукам во всём.

— Мы ведь вместе в школу ходили, — продолжал Иньтоу. — Они раньше меня за парту сели, а я их в два счёта догнал. Никакой искры божьей у этих лоботрясов отродясь не бывало. Бабка их рассказам поверила и давай трезвонить по всей округе, а в классе-то каждый знал истинную цену этим сказкам. Обсмеяли их знатно. Теперь вся школа пальцем тычет в двух пустозвонов. Стыдоба несусветная! Мы же из одной деревни, мне самому за них неловко.

Сянсян слушала раскрыв рот.

— Бабушка всё равно хочет, чтобы братики учились, — пролепетала она и уставилась на Гоуданя круглыми глазами.

Гоудань шутливо потрепал её по гладкой, как колено, макушке.

— Опять мать тебя налысо обрила? Девчонке уже пятый год, а бегаешь стриженная под ноль да замурзанная.

Сянсян провела ладошкой по лысине и задорно хихикнула:

— Мороженое вкусное!

— Хоть заоблизывайся, больше не дадим. Это для твоего четвёртого дяди припасено, — поддразнил её Ван Сюань.

Девчушка послушно закивала, соорудив самую невинную рожицу:

— Да, это дяде Лао Сы... Сянсян больше нельзя.

При этом она шумно сглотнула слюну, из последних сил показывая, что ни капельки не завидует.

— Ха-ха! Гляди, какая егоза сообразительная, — рассмеялся Иньтоу. — Вся в пятую тётку пошла, а не в отца. Сразу соображает, куда ветер дует.

Окружающие покатывались со смеху, и девчушка заливалась вместе с ними, сверкая голой макушкой. В своих единственных куцых трусишках, полуголая и забавная, она выглядела уморительно.

Мать её недавно разродилась двойней, так что приглядывать за старшей времени совсем не оставалось. Малышка целый день была предоставлена самой себе: набегается, проголодается — бежит домой ухватить кусок, умается — приткнётся где-нибудь в уголке и спит. К девочкам в семье Ли всегда относились без особого тепла. Если не считать младшую тётушку, Гоудань не помнил ни одной двоюродной сестры, которую бы не запрягали в работу с малых лет. Вечные понукания, брань, а то и тумаки... Старая карга Ли, кроме собственной дочки, ни одну внучку за родную кровь не считала.

В прошлом году старшая внучка Сяюй еле-еле вырвалась из этого ада — замуж её отдали аж в двадцать лет. И вовсе не от великой любви бабка держала её в девках так долго. Просто Сяюй была безотказной тягловой силой, да и выкуп за неё старая карга хотела содрать неподъёмный. Все эти деньги оседали в бабкином сундуке: она считала каждую копейку будущим наследством для своих ненаглядных золотых внуков.

Теперь пришёл черёд Личунь и Сяомань. Бабка снова затянула старую песню, ломая безумную цену за невест. Парни из приличных, но небогатых семей, где росло много ртов, только качали головами — откуда у них такие деньжищи? Разворачивались да шли свататься в другие дома, благо славных и работающих девчат в Сикани хватало. Девчонки из семьи Ли трудились не покладая рук, но не от хорошей жизни, а оттого, что из них выжимали все соки.

В итоге девушкам оставалось только идти за престарелых вдовцов да бобылей, которые ради молодой жены влезали в долги по уши и выгребали последние гроши из закромов. До Гоуданя долетали деревенские толки, мол, Личунь и Сяомань пристроили ещё хуже, чем их старшую сестру. Обычно-то девок сватают лет в четырнадцать-пятнадцать, а в шестнадцать уже играют свадьбу. Двадцатилетняя же Сяоюй по местным меркам считалась чуть ли не вековой.

Личунь в её девятнадцать и Сяомань в восемнадцать тоже засиделись в девках, но под давлением злых языков бабка поспешила сбыть их с рук, пока не разменяли третий десяток.

Гоудань слушал эти сплетни равнодушно, без капли жалости. Семья старшего дяди никогда не была им близка. Дядька вечно задирает нос, пользуясь правом старшинства, и помыкал безвольным Ли Сы. Никаких тёплых чувств Гоудань к ним не питал. Судьба двоюродных сестёр его тоже не трогала: да, девчат было жалко, но виной всему была бабка Ли и их собственные родители, которым плевать было на родных дочерей. Ему-то какое дело?

Когда они с отцом перебивались с хлеба на воду и терпели вечные попреки, их почему-то никто не спешил пожалеть.

Впрочем, порядки в старой усадьбе вызывали у Гоуданя лишь брезгливость. Жить за счёт собственных дочерей — последнее дело, на такое способны только никчёмные мужики. Да и двоюродных братьев он всегда держал за пустое место. Абсолютно бесполезные увальни: дома горазды кулаками махать да права качать, а на улице трусливо поджимают хвосты, точно нашкодившие псы. Только зря продукты переводили все эти годы — вымахали как каланчи, а толку ноль.

Даже Даню на их фоне выглядел настоящим мужиком. Тот хотя бы закрывал мать собой, когда отец поднимал на неё руку. А уж когда папаша с полоумной бабкой решили продать его сестрёнку, Даню не побоялся схватиться за нож и гонял старуху по всему двору. С тех пор бабка боится внука как огня — только и умеет, что шипеть по углам да плевать ядом, но распускать руки больше не смеет, да и про девчонку думать забыла.

Даню так и не выучился в средней школе, да и с первой любовью пришлось распрощаться из-за вечного вмешательства девичьей родни. Сейчас он в одиночку тянет лямку, надрываясь на работе ради младших братьев и сестёр, пока отец окончательно спивается. Гоудань изредка встречал его в деревне. Теперь Даню приветливо кивал при встрече. Он оставался всё таким же неразговорчивым, но бывшая злоба и волчий оскал, исходившие от него в детстве, давно сошли на нет.

Единственным связующим звеном со старой усадьбой оставался отец. Как-никак Ли Сы был

родным сыном, и разорвать эти путы окончательно не мог. Сам же Гоудань держался особняком: он чувствовал себя чужим для этого клана и никогда не ощущал долга примерного внука.

Ну и, конечно, крутилась рядом эта малявка Сянсян. Гоудань не питал к ней великой любви, но девчушка казалась ему забавной — эдакий живой зверёк, которого приятно подразнить от скуки. Сама же Сянсян вообще не дичилась. Стоило ей завидеть, как Гоудань покупает мороженое, она тут же увязывалась следом, семена своими крохотными ножками. Загорелая дочерна егоза крутилась волчком, заглядывая в глаза, и Гоудань, усмехаясь, протягивал ей лакомство.

В последнее время в их краях повадились ездить торговцы мороженым. Они крутили педали своих велосипедов от деревни к деревни, оглашая окрестности залиvistым трезвоном колокольчиков. В летнее пекло местная детвора буквально изводила родителей капризами. Стоило раздаться заветному «дзинь-дзинь», как стайка ребятишек неслась к дороге, окружая велосипед плотным кольцом. Малышня заворожённо глазела на желанное лакомство, обсасывая грязные пальцы. Гоудань ловил себя на мысли, что этим заезжим коробейникам приходится вырабатывать поистине каменное сердце, чтобы не обращать внимания на голодные детские взгляды. Иначе прогорели бы в первый же день.

Всякий раз, когда Гоудань подходил к торговцу, его обступали голозадые и полуголые сорванцы. Счастливики, ухватившие заветную палочку, смачно причмокивали от удовольствия. Обделённые же заходились плачем или стояли, шумно глотая слюни и провожая завистливыми взглядами каждое движение чужой руки. Вели себя так, словно от их пристального взора ледышка сама перекоцует к ним в рот.

Денег у крестьян отродясь водилось негусто, зато зерна хватало с избытком. Особенно в последние два года, когда избавленные от глупых указаний городских начальников поля стали приносить невиданные урожаи — после сдачи госпоставок закрома ломились. Торговцы быстро смекнули, что к чему, и стали брать плату зерном. Разумеется, принимали его по заниженному тарифу, но изнывающим от жажды ребятишкам до курсовой разницы дела не было.

Не выдерживая детского рёва, матери со вздохом лезли в лари, зачерпывали миску отборного зерна и вручали её старшему ребёнку. Продавец взвешивал приношение, пересчитывал на копейки и выдавал мороженое прямо в ту же глиняную посудину. И вот картина: гордый первенец чинно шествует во главе процессии, прижимая миску к груди, а позади семенит выводок младших, заливаясь слезами от страха, что старший схомячит всё по дороге.

Стоило крику долететь до материнских ушей, как старшему тут же прилетала команда поделиться. Если лакомства на всех не хватало, шли на хитрость: топили ледышку в воде, превращая её в сладкий сироп для всей оравы, либо просто кололи ножом на мелкие кусочки.

Впрочем, Гоудань подмечал, что деревенские ребята в большинстве своём бережно относились к младшим. Мало кто уминал сладости втихаря под одеялом. Дети безропотно подчинялись родительскому дележу, привыкшие сызмальства уступать малышам.

Катая во рту пустую деревянную палочку, Гоудань радовался: «Слава богу, у меня нет ни братьев, ни сестёр». От вечного писка и драк из-за каждой крошки у него бы точно голова пухла — порешил бы всех на месте. Да и делиться последней рубашкой он бы не стал.

Когда он поделился этими мыслями с Ван Сюанем, тот лишь улыбнулся:

— Не скажи. Ты бы сам их пеленал да нянчил, привязался бы не меньше родителей. Неужто у тебя сердце бы не сжалось от их слёз? Будь у тебя семья побольше, ты бы и сам мыслил иначе.

Может, и так. Но сейчас у него никого не было, так что понять эту родственную привязанность Гоудань не мог.

У них с Ван Сюанем всё строилось по-другому. Нельзя было сказать, кто из них старший или кто о ком заботится — они просто поддерживали друг друга во всём. Ван Сюань никогда не ревел по пустякам, как прочие деревенские крикуны, и всегда отличался рассудительностью. Они сошлись характерами, стали не разлей вода, а со временем и вовсе превратились в настоящую семью.

Выбросив щепку, Гоудань хлопнул Сянсян по макушке:

— Ну всё, егоза, топай домой. Нам с Ван Сюанем за работу пора приниматься, не крутись под ногами.

Девчушка оказалась послушной: платать не стала, лишь задорно сверкнула глазами и неспешно побрела прочь, то и дело оглядываясь. Ван Сюань хмыкнул про себя: малявка упрямая, завтра точно как штык тут будет. Гоудань в последнее время зачастил баловать её то леденцами, то мороженым, вот она и вилась вокруг него хвостиком.

Шутка ли — одолеть больше половины годовой подписки газет! У Гоуданя на собственные дела времени почти не оставалось. Только покончив с чтением и выписав всё мало-мальски полезное, парни смогли выкроить несколько дней перед началом учебного года для своих изысканий. Летние каникулы выдались долгими — без малого полтора месяца, и Гоудань чувствовал, что за это время окончательно разленился и одичал.

<http://bllate.org/book/19654/1996750>